

Автор:

Кириллов Филипп Павлович

ученик 11 «А» класса

Руководитель:

Кравченко Алла Евгеньевна

учитель русского языка и литературы, методист

ГБОУ гимназия №540 Приморского района

г. Санкт-Петербург

РОЛЬ «ВОСТОЧНОГО» И «ЗАПАДНОГО» В ИДЕЕ РОМАНА

И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

***Аннотация:** в статье проанализирован роман И.А. Гончарова «Обломов» на предмет роли «восточного» и «западного» и пути развития России в идее произведения. В работе определены цели задачи данного исследования.*

***Ключевые слова:** роман, Обломов, Иван Александрович Гончаров, западное, восточное, Запад, Восток, идея произведения.*

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда.

*Редьярд Киплинг «Баллада о Западе и Востоке»
Введение.*

Находясь между Западом и Востоком, Россия не раз пыталась пойти и по западному, и по восточному пути развития. Но каждый раз эти попытки не имели особого успеха: России не удавалось пристать ни к одному, ни к другому берегу и приходилось долго и мучительно вырабатывать свои цивилизационные стратегии развития.

Почему возникают постоянные трудности при адаптации зарубежного опыта на российской почве, почему ей приходится постоянно торить свою дорогу? Какой путь развития выбрать? К этим темам обращался Л.Н. Толстой в ро-

мане «Война и мир» и Н.А. Гончаров в романе «Обломов». Они думал о преобразования России в свое тревожное и неоднозначное время. В не менее сложную эпоху живем мы сейчас. И каждый настоящий патриот своей страны думает о ее будущем.

Поэтому в своей работе я бы хотел подробнее остановиться на проблеме «востока» и «запада» русской литературе, которая довольно тесно связана с развитием России.

В круге важнейших для моего исследования вопросов рассмотрим следующие:

Какова роль «восточного» и «западного» в идее романа И.А. Гончарова «Обломов»?

Какой путь развития выбрать России?

Актуальность темы исследовательской работы связана с романа И.А. Гончарова «Обломов», с анализом роли «восточного» и «западного» и путь развития России в идее произведения.

Цель работы – исследование роль «восточного» и «западного» в идее романа И.А. Гончарова «Обломов»?

Задачи исследовательской работы:

1. Проанализировать научную литературу по теме исследования.
2. Выявить, в чем смысл полемики западников и славянофилов о путях развития России.
3. Установить, какую идейно-смысловую нагрузку несет образ Обломова и Штольца в аспекте решения данной проблемы.
4. Обратившись к ключевым образам, художественным деталям, показать, как проявились черты восточного и западного на страницах романа И.А. Гончарова.

Предметом моего исследования является роман «Обломов» как символический роман – о России, о пути ее развития.

Объектом исследования является роман И.А. Гончарова «Обломов».

1 Глава. Проблема Востока и Запада в культуре.

Проблема Востока и Запада уходит своими корнями еще в Античность, когда произошло разделение людей на греков и варваров, а точнее сказать, на людей и варваров. Постепенно греки заменились европейцами, а понятие варваров утратило негативный оттенок, превратившись в понятие «другие». Итак, есть Запад-европейцы, и Восток-другие.

С XVI века в отношениях с Западом в России доминирует подражательно-соревновательная парадигма, породившая в XIX веке антагонизм западничество/славянофильство.

Карл Густав Юнг – швейцарский психолог и психиатр, основоположник аналитической психологии посвятил немало работ различию западного и восточного менталитета. В первую очередь Юнг обращает наше внимание на то, что люди Востока и Запада внутренне противоположны друг другу, что отражается, например, в религии. Европейец прежде всего, христианин, хотя бы по воспитанию. И это значит, что человек зависит от Милости Божией: «У нас человек не-соизмеримо мал, а Божественная Милость безгранична, на Востоке – человек – Бог и сам себе спаситель». Восточный человек – интроверт, западный – экстраверт. Из этого следует различное отношение к жизни: европейец живет внешним, стремится его изменить, для него существенно прошлое, настоящее, и будущее – в Европе появляется идея прогресса, которая становится основополагающей идеей цивилизации. Восточный человек живет внутренней жизнью, «он пытается охватить взглядом целое, его способ мышления – это сгущение, конденсация видения», он наблюдает за мыслью. Он живет не во времени, а в вечности. Мир есть «возобновление существования, которое уже многократно повторялось». Для восточного человека боги не имеют большого значения, они постепенно превращаются в философские истины, в философские идеи.

2 Глава. Славянофилы и западники: спор о судьбе России.

Русская и общественная мысль второй половины XIX века бьётся над решением вопроса о путях развития России. Могут ли они быть простым воспроизве-

дением путей Западной Европы или Россия имеет свою особенную судьбу? В решение этого вопроса общественность размежевалась на два течения – западников и славянофилов. Западники полностью принимали реформу Петра Великого и считали, что Россия должна и далее идти западным путем. По их мнению, славянские народы России должны воспринять западную культуру и политические идеалы, а потом распространить эти идеалы среди других народов страны. Славянофилы видели в петровских реформах попытку насильственной европеизации и полагали, что в дальнейшем своем развитии Россия должна опираться на собственную – русскую или «общеславянскую» – культуру, в определенной мере отгородившись от Запада. Другие, неевропейские народы страны, по мысли славянофилов, необходимо приобщать к славянским, а в религиозном плане – к православным ценностям.

«Где рабство – там бунт и беда, защита от бунта – свобода», – писал «рыцарь славянофильств» К.С. Аксаков.

В 40-е годы XIX в. противники обвиняли славянофилов в том, что они находятся под покровительством правительства. Под впечатлением споров Герцен писал в 1850 г.: «Славянофилы пользовались большим преимуществом перед европейцами (западниками), но преимущества такого рода пагубны: славянофилы защищали православие и национальность, тогда как европейцы нападали на то и другое; поэтому славянофилы могли говорить почти все, не рискуя потерять орден, пенсию, место придворного наставника или звание камер-юнкера. Белинский же, напротив, ничего не мог говорить; слишком прозрачная мысль или неосторожное слово могли довести его до тюрьмы, скомпрометировать журнал, редактора и цензора. Но именно по этой причине все симпатии снискал смелый писатель, который, в виду Петропавловской крепости, защищал независимость, а все неприязненные чувства обратились на его противников, показывавших кулак из-за стен Кремля и Успенского собора и пользовавшихся столь широким покровительством петербургских «немцев».

И славянофилы, и западники были патриотами. Славянофилы любили Россию как мать, любовью сыновей, любовью-воспоминанием, западники любили ее, как дитя, нуждающееся в заботах и ласке, но и в духовном наставничестве, руководстве. Для западников Россия была младенцем в сравнении с «передовой» Европой, которую ей предстояло догнать и перегнать. Когда в 1861 году, след за А.С. Хомяковым, скончался «рыцарь славянофильства» К.С. Аксаков, западник А.И. Герцен сказал: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинаковая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество, чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно».

При всех идейных разногласиях славянофилы и западники сходились в отрицательном отношении к крепостному праву и к современному им бюрократическому полицейскому строю государственного управления. Оба течения требовали свободу слова и печати и в глазах правительства оба являлись «неблагонадежными» (западники в большей степени).

3 Глава Кругосветное путешествие на фрегате «Паллада».

Гончарова нельзя назвать ни западником, ни славянофилом. Его взгляд был внепартийный, и шире окидывал место России в мире, чем взгляд узкопартийных деятелей. Славянофилы не считали его своим, хотя гениальный образ Обломова – абсолютно фольклорный по духу – своим широким интуитивным содержанием был ответом на многие поставленные ими вопросы. Более того, широта образа такова, что славянофильство – примерься оно к этому образу – «потерялось» бы в складках обломовского халата. Точно так же нельзя назвать Гончарова и западником, поскольку в русской литературе нет более глубокого и системного критика буржуазности, чем Гончаров.

Его тревожило тяжелое международное положение, ломка всех старых устоев патриархальной России. Нарождался новый уклад жизни. Россия прощалась с косностью, застоем, вялостью и бездействием, но одновременно она теряла теплоту и сердечность отношений между людьми, уважение к национальным традициям, гармонию ума и сердца, чувства и воли, духовный союз человека с природой. Неужели все это обречено на слом? И нельзя ли найти более гармоничный путь прогресса, свободный от эгоизма и самодовольства, от рационализма и расчетливости? Как сделать, чтобы новое в своем развитии не отрицало старое с порога, а органически продолжало и развивало то ценное и доброе, что старое несло в себе? Эти вопросы волновали Гончарова на протяжении всей жизни. Так, в 1859 году появился роман «Обломов», который автор писал в течение десяти лет.

В создании романа сказался опыт работы писателя над книгой о кругосветном путешествии – «Фрегат «Паллада». Как признавался сам Гончаров, плавание на фрегате дало ему «общечеловеческий и частный урок». Писатель имел возможность не только сопоставить различные страны, целые миры, разделенные громадными пространствами, но и сравнить, увидев их практически одновременно: «сегодняшнюю» жизнь буржуазно-промышленной Англии и жизнь, так сказать, прошлую, даже жизнь «древнего мира, как изображают его Библия и Гомер». Как видно из книги «Фрегат «Паллада», Гончаров, сравнивая Восток и Запад, пытается разобраться, кто мы и по какому пути развития идти России, что для нее ближе...

Путешествие помогло Гончарову написать главную книгу своей жизни – «Обломова». Книгу, которая оказалась очень нужной и «востребованной» современниками. В судьбе каждой страны есть этапы, когда люди, кто с нетерпением, кто со страхом, ожидают наступления перемен. Таким было время перед реформами 1861 года. И роман Гончарова ответил на вопросы эпохи.

В романе «Обломов» можно найти ответы не только на те вопросы, которые беспокоили писателя, но и на многие вопросы современности. Его можно прочитать как «роман воспитания» и «роман испытания». Как роман кризиса и перелома. Как историю Обломова и историю России. Как рассказ о прошлом, которое не отпускает, и будущем, которое не подпускает. Это особенно актуально сейчас, в начале XXI века, когда в России по – прежнему остро встал вопрос о путях развития, о национальных приоритетах. Это один из самых сложных русских романов.

«Этот роман о России. Это в художественной форме продолженный спор между славянофилами и западниками. Этот спор постоянно мерцает в глубине романа. В «восточном» халате героя и в «восточной» роскоши его комнаты; в созерцательно-неторопливом ритме жизни; в нарисованном трижды идеале этой жизни...» – так сказал Д. Мурин.

Роман Гончарова появился в период подготовки очень важных социальных перемен, прежде всего отмены крепостного права, когда особенно остро встал вопрос об историческом прошлом и будущем развитии просыпавшейся России.

4 Глава Восток и Запад в романе «Обломов».

В романе «Обломов» И.А. Гончаров противопоставляет две культуры, представленную в произведении главными героями: Обломовым и Штольцем. Чуть огрублённо, упрощённо – восточной и западной (огрублённо потому, что и Восток и Запад неоднородны). Едва ли не лучшим эпиграфом к разговору об Обломове и Штольце будут знаменитые слова Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда». Славянофилы, которых воплощает Обломов, испытывали ностальгию по прошлому, и хотели возвращения к традиционным русским ценностям. Они отторгали модернизацию и городское развитие, которым предпочитали природу и сельскую среду.

Штольц представляет западников, рационализм и действие носят немецкое имя. Немцы более, чем другие нации, воплощали двойственное чувство восхищения и злобы к той Европе, которая «загрязняла» Россию XIX века.

Гончаров сталкивает героев Востока и Запада в дружбе и одновременном любовном поединке. Исход этого столкновения не предreshён заранее, оно творится на наших глазах.

Итак, «в Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов».

Почему автор «поселил» героя на Гороховую улицу?

«Перспектива» Гороховой улицы делит город на две части: «городскую» и «деревенскую»; «западную» и «восточную». Что выбрать? Куда переехать?

Место жительства героя первоначально – Гороховая улица, одна из центральных в Петербурге, на которой жили люди средних классов. Ее первые два квартала принадлежали к аристократической Адмиралтейской части города, застроенной особняками знати. Действительно, с западной стороны – библиотека и театр, инженерный замок и летний сад, храм Вознесения и Казанский собор... Название Гороховая вызывает неожиданную ассоциацию с фразеологизмом при царе Горохе, связанным с русской народной сказкой, текст которой удивительно напоминает описание Обломовки: В то давнее время, когда мир Божий был наполнен лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох. Вспомним слова, обращенные к Илье Ильичу Обломову Штольца: «Ты рассуждаешь, как древний». А с востока – Коломна, деревня... Позже Обломов переселяется на Выборгскую. Выборгская сторона – глухая окраина, мещанский район, почти провинция. Героя тянет вести жизнь созерцательную, ему хочется думать о душе, о жизни вообще, его манит неторопливость...

Квартира Ильи Ильича представляет собою не что иное как островок Обломовки в мире Петербурга. Обломовка была местом, идеально приспособленным для жизни, уютным, обжитым и домашним. Даже небо здесь казалось низким, словно потолок горницы. Жители Обломовки практически неотличимы не только друг от друга, но от вещей, деталей домашнего убранства.

В квартире Обломова дело обстоит сходным образом.

«Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною» в европейском вкусе, выдавая желание кое-как соблюсти decorum неизбежных приличий. Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шёлковой материею, красивые ширмы с вышитыми небывалыми в природе цветами и плодами. Были там шёлковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и множество других красивых мелочей».

Мы можем сказать, что Илья Ильич не лишён вкуса, хотя его и нельзя назвать тонким и изысканным. Есть там такие дорогие предметы роскоши, как фарфор, бронза, зеркала. Но вся грязь, пыль, паутина свидетельствуют о небрежности, неаккуратности, лени хозяина и его слуги, который весьма по – своему понимает слово «чистота». Обломов запустил, можно сказать, изуродовал всё то красивое и дорогое, что у него было; такие недешёвые вещи, как зеркала, стали скрижальями, на которых можно было писать по пыли, зная, что никто этого не сотрёт.

Полное равнодушие к сору, пыли, грязи отличает слугу Обломова. Захар на этот счет составил собственную философию, не позволяющую бороться ни с грязью, ни с тараканами и клопами, раз они выдуманы самим Господом. Когда Обломов приводит своему слуге в пример живущее напротив семейство настройщика, Захар приводит в ответ следующие аргументы, в которых видна незаурядная наблюдательность: А где немцы сору возьмут? Вы поглядите-ко, как они живут! Вся семья целую неделю кость гложет. Сюртук с плеч отца переходит на сына, а с сына опять на отца. На жене и дочерях платишки коротенькие: все поджимают под себя ноги, как гусыни... Где им сору взять? У них нет этого, вот как у нас, чтоб в шкафах лежала по годам куча старого изношенного платья или набрался целый угол корок хлеба за зиму. У них и корка зря не валяется: делают сухариков да с пивом и выпьют.

«На одном столе стоял даже сломанный стул, и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислонённый боком к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором».

А вот «Обломов»:

«Если б не тарелка, да не прислонённая к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живёт, – так всё запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия» – пишет Гончаров.

По этой детали мы можем определить у Обломова отсутствие движения вперед, интереса к жизни, склонность к апатии и безделью.

Ещё одна очень важная и красноречивая деталь интерьера – это диван. В романе описания диванов встречаются много раз (диваны в комнате Обломова, диван в родительском доме, диван у Тарантьева), и эта деталь стала знаковой. Этот предмет интерьера подразумевает отдых, сон, ничегонеделанье.

Кстати, для Обломова диван – вещь в интерьере очень важная. У него было целых два дивана, «обитые шёлковой материей», но идеал уюта он находит в доме Тарантьева: «У него, знаешь, как-то правильно, уютно в доме. Комнаты маленькие, диваны такие глубокие: уйдешь с головой, и не видать человека. <...> Окна совсем закрыты плющами да кактусами». Такая обстановка располагает к лени. Но диван – это не только символ лени, но и место для размышления. Лёгкий сумрак и мягкие глубокие диваны, в которых так хорошо спрятаться, создают камерную, уютную обстановку, которую так любит Илья Ильич. Ведь дом для него, как раковина, в которую он прячется, словно улитка, от внешнего мира.

Да и интерьер дома Штольца и Ольги как нельзя лучше отражают психологию хозяев: «Всё убранство носило печать мысли и личного вкуса хозяев». Главное для хозяев при выборе убранства своего жилища – это чтобы вещь была для них памятной, любимой, значимой. Создаётся ощущение, что они не руководствовались модой и светским вкусом: «Любитель комфорта, может быть, пожал

бы плечами, взглянув на всю наружную разнорядицу мебели, ветхих картин, статуй с отломанными руками и ногами, иногда плохих, но дорогих по воспоминанию гравюр, мелочей». Сразу ощущается индивидуализм и самодостаточность хозяев дома.

Во всех предметах интерьера «присутствовала или недремлющая мысль или сияла красота человеческого дела, как кругом сияла вечная красота природы».

Как подтверждение этому среди «океана книг и нот» нашла место «высокая конторка, какая была у отца Андрея, замшевые перчатки; висел в углу клеёнчатый плащ». «...И клеёнчатый плащ, который подарил ему отец, и замшевые зелёные перчатки – всё грубые атрибуты трудовой жизни». Эти вещи так возненавидела мать Штольца, а у Андрея они заняли почётное место в доме. Хочется отметить, что если Обломов скопировал жизнь своего отца, то Штолец взял с собой только предметы трудолюбия и отошёл от «начертанной отцом колеи».

Для человека восточной культуры важнее всего гармония – и вот уже Обломов не может встать с дивана, а переезд на другую квартиру способен навсегда разрушить целостность его мира. Для человека культуры западной куда важнее успех – и Штолец достигает его, но не останавливается на месте, а продолжает своё бесконечное движение, труд ради труда: успех, в отличие от гармонии, не может быть окончательным. Человек восточной культуры живёт не столько во внешнем, сколько во внутреннем мире. Отработанные веками практики достижения гармонии – медитации, самопогружения – способны дать ему не меньше впечатлений, чем кругосветное путешествие европейцу.

И знаменитый сон Обломова совсем не похож на сны других классических героев: в нём нет столкновения ни реального с фантастическим, ни прошлого с будущим. Он весь ретроспективен – это медитативное возвращение в детство, в идиллическое прошлое. Идеал Ильи Ильича – Обломовка, его родина, его корни. «Все сулит там покойную, долговременную жизнь до желтизны волос и незаметную, сну подобную смерть». «Ни страшных бурь, ни разрушений не слышать в том краю». «Нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого».

«Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край!» Это идиллия детства Ильи. Он раскрывает суть той среды, в которой воспитывался и рос маленький Обломов. Гончаров рисует картину райской размеренной жизни. Даже природа в имении какая-то особенная, созданная для блага человека: «Небо там... как родительская надежная кровля...», «солнце там светит ярко и жарко около полугода и потом удаляется оттуда не вдруг, а словно нехотя...», «все сулит там спокойную, долговременную жизнь до седых волос и незаметную, сну подобную смерть». Жители тоже не такие, как все, они вроде бы что-то и делают, да как-то нехотя. Во сне Обломов переносится в имение своих родителей Обломовку, «в благословенный уголок земли», где нет «моря, нет высоких гор, скал, пропастей, ни дремучих лесов – нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого». Перед нами предстает идиллическая картина, ряд прекрасных пейзажей. «Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг. Глубокая тишина лежит на полях. Тишина и жизненное спокойствие царствуют и в нравах людей в том краю», – пишет Гончаров. Обломов видит себя маленьким мальчиком, стремящимся заглянуть в неизвестное, задать больше вопросов и получить на них ответы. Но лишь забота о пище и сне становится первой и главной жизненной заботой в Обломовке. В романа отношение к еде выступает мерилем отношения к миру, жизни, а также становится своеобразным «языком», позволяющим высказать свой собственный взгляд на мир. Поэтому еда, так же, как и сон, не только удовлетворение физических потребностей – едят и спят сколько «душа» захочет, сколько «душа» попросит. Отсюда едят часто и вкусно. В Обломовке ничто в такой мере не «занимало умы», как забота о пропитании. Поесть здесь любили: «Главною заботою была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом». Согласно жизненной философии обитателей Обломовки, «порядочный человек должен прежде всего позаботиться о своём столе». Обломовцы не просто едят и пьют: их аппетит незаметно превращается в истинное гурманство, приготовление пищи – в виртуозное мастерство, а кухня – в своего рода храм.

Символом обломовской сытости и всеобщего довольства становится исполкинский пирог, который пекли в воскресенье и праздничные дни. На этот пирог требовалось двойное против обычного количество муки и яиц. Отсюда, как следствие, *«на птичьем дворе было более стонов и кровопролития»*. Пироги в Обломовке пекли с цыплятами и свежими грибами. Этот пирог *«сами господа ели еще на другой день; на третий и четвертый день остатки поступали в девичью; пирог доживал до пятницы, так что один совсем черствый конец, без всякой начинки, доставался в виде особой милости Антипу, который, перекрестясь, с треском неустрашимо разрушал эту любопытную окаменелость»*. Пиршество продолжалось до тех пор, пока не наставала пора печь новый пирог. В Обломовке царит настоящий культ пирога. Пирог в народном мировоззрении – один из наиболее наглядных символов счастливой, изобильной, благодатной жизни. Пирог – это «пир горой», рог изобилия, вершина всеобщего веселья и довольства. Вокруг пирога собирается пирующий, праздничный народ. От пирога исходят тепло и благоухание. «Сонное царство» Обломовки вращается вокруг своего пирога, как вокруг жаркого светила». Именно такие пироги готовит и Агафья Пшеницына, не случайно Захар говорит, что они не хуже обломовских.

В мире-мечте Ильи Ильича Обломова «еду» нужно непременно разделить с духовно близкими людьми, с «колонией друзей», живущими по соседству, именно тогда она приобретает свое подлинное, общественное содержание. Когда Штольц посещает Обломова во время дня рождения в первый раз на Выборгской стороне, он разделяет с другом стол. В их диалоге есть общность тем, открытость, доверительность, корректность, чувствительность. Заканчивается диалог тостом за Ольгу. Оба персонажа едят и пьют одно и то же, что стимулирует взаимопонимание в разговоре. Во время второго посещения Штольцем Обломова беседа свидетельствует о духовной разобщённости героев. За столом о еде говорит один Обломов. *«Штольц поморщился, садясь за стол. Штольц не ел ни ба-ранины, ни вареников, положил вилку и смотрел, с каким аппетитом ел это всё Обломов»*.

И в романе «Обломов» он показал переход от «Сна» к «Пробуждению» в глобальном масштабе, постоянно думал о России, о родной Обломовке.

Сама Обломовка -- мечта. Это особая утопия, русская Аркадия, где все ясно, близко, все овеяно теплотой. Она отгорожена, закрыта от мира стеной страха и предрассудков. Время здесь введено в тривиальный цикл: день похож на день, год похож на год. И в этом замкнутом круге времени-пространства царит любовное отношение друг к другу. Но это не полноценные сознания и голоса влюбляются в Другого, напротив, здесь вещи тянутся друг к другу (даже луна – к земле), создавая тесный и теплый порядок. Сон – это сновидение, но сон – это и мечта, параазиатская Утопия, о которой замечательно сказал исследователь В.Г. Щукин: *«Хронотоп усадьбы можно определить, как состояние счастливой безмятежности и покоя. Следует, однако, подчеркнуть, что безмятежность в усадьбе далеко не всегда означала беспечность и тем более безделье и апатию. Покой также не следует отождествлять с нирваной, с отсутствием движения и воли. Это емкое слово очень хорошо, на мой взгляд, отражает сущность усадебного времени-пространства, ведь оно означает и помещение (комнату), и отдых, и затишье, но также и косность, неподвижность»*. Сон о параазиатской утопии становится сном души, дремотой сознания – сон становится многозначным символом.

Обломовка – это страна, которая так и не покинула позднего средневековья, отринув петровские реформы и последовавшие за ними сдвиги в сторону Европы и Цивилизации, она осталась в Азии в ее историософской трактовке (отсюда во Фрегате Паллада параллель между обломовской Россией и феодальной Японией).

В Обломовке человеку уютно жить, у него не возникает ощущения неустроенности быта, незащищённости перед огромным миром. Природа и человек слиты, едины, и, кажется, небо, которое способно защитить обломовцев от всех

внешних проявлений, «там ближе к земле», и это небо распростёрлось над землёй, как домашняя кровля. Такая атмосфера мира Обломовки передаёт полное согласие, гармонию в этом мире.

Обитатели Обломовки воспринимают мир без счёта и мер. Для них есть только свой дом, а далее воображение обломовца сразу перепрыгивает в небывалую даль – ту, что «за тридевять земель». Там, в некотором царстве-государстве», грезится всё та же Обломовка, но только преображённая. Реальная Обломовка – это только первое приближение к обломовской сказке; долгими вечерами няня рассказывает маленькому Илюше «о неведомой стране», где нет ни ночей, ни холода, где всё совершаются чудеса, где текут реки мёду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют всё добрые молодцы, такие как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать».

Вся жизнь Обломовки была подчинена традициям: точно выполнялись обряды крещения и погребения, каждый обломовец следовал формуле «рождение – брак – смерть», и даже в природе «по указанию календаря» сменялись времена года. Все было размеренно: и повседневная жизнь, и дожди с грозами случались в известное время. Если происходило что-то выбивавшееся из заведенного порядка, то это происшествие возмущало всю округу. Все традиционное, фантастическое в Обломовке переставало быть обыденным, а становилось священным.

Согласно этому жил и дом Обломовых. Распорядок дня, заведенный еще прадедами, сохранился и в точности выполнялся. От утреннего пробуждения к обеду, от обеда к дневному сну, от сна к вечеру – так жил каждый из Обломовых. Но маленький Илья Обломов как бы выбивался из этого распорядка. Он с трудом помнил слова утренней молитвы, был резв и любознателен, в отличие от окружающих, потому и убегал в час всеобщего сна исследовать округу. Но заботливая матушка, строгая няня и каждый в доме не давали ребенку свободы, а заботились лишь о том, чтобы он был сыт и здоров. Так и получалось, что кроме ласки, заботы о еде и сказок Илья Обломов ничего не знал. Это привело в нем

неизмеримую любовь к матери и сформировало идеал жизни. Обломов хотел жить в свое удовольствие, наполнить свое существование мечтами и размышлениями.

Обломов рос как «лелеемый... экзотический цветок в теплице». Идиллический, целостный, закруглённый мир Обломовки несёт на себе отпечаток традиционной – и прежде всего восточной культуры, да и сама Обломовка находится где-то на берегу Волги, «чуть ли не в Азии».

У Илюши Обломова есть все, что свойственно нормальному ребенку: живость, любопытство. «Ему страсть хочется взбежать на огибавшую весь дом висячую галерею...». «Он с радостным изумлением, как будто в первый раз, осмотрелся и обежал кругом родительский дом...» «Детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним». А няня? Обязательно есть няня, которая рассказывает сказки. А вот знаменательные слова: «...сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка». Здесь, в детстве, уже заложено все то, что останется с ним до самой смерти.

Рассказы няни создают «воображаемую Илиаду русской жизни», которую она «с простотой и добродушием Гомера» пересказывала Обломову. Да и действительно, в Обломовке, как и во времена античности, неравноправие людей воспринималось как что-то само собой разумеющееся. Рассказывала ему няня и о золотом руне на Руси – Жар-птице. И тут же мотив этот переносится в «античную» Обломовку. Мужики там ездят в ближайший город продавать свои товары, точно в сказочную Колхиду. Мифы Обломовки многогранны, да и сам Илья Ильич Обломов – точно Илья Муромец в мире сказочной Обломовки.

Воспитание Штольца было совсем другим. Штолец рос в мастерской семье, где поощрялась активность и самостоятельность. В довольно раннем возрасте он был лишен необходимого: ему выдали «подъемные» и выставили вон, пришлось всего добиваться в жизни самостоятельно. Мальчик уже был готов к этому, и на просторе все деловые навыки развились как нельзя лучше.

Развитие Обломова направлено внутрь, в себя, а развитие Штольца – наружу, в пустоту. Внутреннему противопоставлено внешнее. По пути Штольца, пути активной общественной жизни, но полного душевного бездействия, идут Судьбинский, Волков, Пенкин. Они выбирают общество, которое для Обломова «вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, перебивание друг у друга дороги, сплетни, пересуды, послушаешь, о чем говорят, голова закружится, одуреешь». Судьбинский, Волков, Пенкин не представляют свою жизнь без общества. Каждый из них реализует себя там по-разному: Судьбинский – карьерист, бесцельной и пустой работой он добивается высокооплачиваемой должности. Волков – светский лев, цель его жизни – вращаться в свете, влюбляться в артисток и разносить сплетни.

Пенкин – мелкий журналист, газетчик. Причем журналистика для него – не авангард общественной мысли, даже не распространение новостей. Его идеал – писать скандальные статьи о проститутках, коррумпированных чиновниках, даже не вдумываясь в суть проблемы, не рассуждая над тем, о чем он пишет. Быть журналистом только для того, чтобы прославиться, чтобы заработать деньги... И каждый полностью уверен в правильности своего пути и предлагает Обломову жить так же, как он. Обломов им не нужен как человек, как личность, они приходят к нему покрасоваться, показать, чего они достигли. И оценка Обломова: «Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на все эти мелочи?», «не жизнь, искажение нормы, идеала жизни».

Мода немецкая и восточная также не обойдены вниманием автора романа: шлафрок, фрак; ароматы Востока (выражение популярное благодаря модным бульварным романам того времени). Беспечность, подчинённость общественным принципам и иностранной моде молодого Волкова отражена Гончаровым и в речи.

Вспомним, когда Волков предлагает привезти на пробу пару новых перчаток («Это только что из Парижа»), Обломов не колеблясь соглашается.

Оппозиция Востока и Европы олицетворяет противостояние Европы и Азии и подчеркивает не только русскость Обломова, но и его желание следовать веяниям эпохи и моды.

Однако герой внутренне настолько отстранен от соблюденного им «декорума», что как будто спрашивал глазами: «Кто сюда натащил и наставил все это?». Впоследствии он будет думать о людях иного, чем он сам, склада: «Они не в своей шапке ходят», забивая себе голову «деятельной Европой».

С приходом Судьбинского мы погружаемся в атмосферу бюрократического быта. Помимо специальных слов и канцеляризов (везу к докладу; начальник отделения; канцелярия; статский; чиновник; корону получить; за отличие представить; в должность; вице-директор; в письмах отменили писать «покорный слуга», пишут «примите уверения»; формулярные списки; не велено представлять; чиновники особых поручений; комиссия; иметь репутацию; прогоны; составил смету и пр.) В небольшой речи чиновника четыре раза встречается слово «дело», а также слова служба, работа, труды, делать, служить, работать.

Гончаров сравнивает два пути. Его роман не сатирический, он не высмеивает слегка утопические взгляды героя, но пытается вместе с ним найти ответ на очень серьезный вопрос о смысле человеческой жизни. Мысли и идеи Обломова насчет этого очень абстрактны. Когда Штольц спрашивает его о настоящих ценностях, Обломов рассказывает ему красивую сказку о жизни в деревне, в покое, на природе, с женой, с друзьями, о наслаждении красотой и спокойствием!

А «как шёл домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нём был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намёка на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу всё шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретённым, но всё ещё

сохранял яркость восточной краски и прочность ткани. Халат имел в глазах Обломова тьму неоценённых достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела».

Как я люблю тебя, халат!
 Одежда праздности и лени,
 Товарищ тайных наслаждений
 И поэтических отрад!
 (Н. Языков, «К халату»)

Восток и запад – два разных мира, две полярно-противоположные философии. Стремительный, прогрессивный запад с бесконечными изменениями, и размеренный патриархальный восток, отрицающий любые преобразования. Халат Обломова становится символом лени, сна, созерцательности.

Любовь к Ольге Ильинской пробуждает душу героя к активной, деятельной жизни. Эти перемены связываются в мыслях Обломова с необходимостью «сбросить широкий халат не только с плеч, но и с души и с ума». И действительно, на какое-то время он исчезает с поля зрения, уступая своё место домашнему пальто и рубашке блестящей, как снег. Но как только любовь пошла на убыль, словно грозный предвестник, вновь мелькает халат, который новая хозяйка Обломова, Агафья Матвеевна Пшеницына, нашла в чулане и собралась помыть и почистить. Итак, слабые попытки Обломова изменить свое существование терпят крах.

Штольц типичный образ дельца, предпринимателя, он во всем стремится отстаивать свой интерес. Да и интересы у него ограниченные: собственный конфликт, материальные блага. «Мы не титаны», – говорит он Ольге, намекая, что не им решать насущные великие проблемы. Их дело – только копейку копить. «Вся жизнь есть мысль и труд», – утверждает Штольц. Но он не умеет по-настоящему мыслить, он думает только, как бы повыгоднее что купить и продать. У него ум житейский, расчетливый. И у труда его нет цели. Труд ради труда, суета ради суеты. Цели нет.

Трудоголизм считается болезнью. Штольц не настолько глубок чтобы понять это. Его душа не настолько тонка, чтобы вступать в противоречие с внешним миром, да и души-то нет у него. «Он весь состоял из костей, мускулов и нервов» – какая тут душа? Абсолютно нет внутреннего мира, только неугасающая энергия. «Больше всего на свете Штольц боялся воображения», «так же, как и за воображением, Штольц следил и за сердцем». Итак, нет воображения, нет чувств, нет глубокого ума – что же есть? Человек-машина. Он наследник Чичикова, тоже собирающего копейку, строящего карьеру, умеющего устраиваться, налаживать связи. И речи нет об идеологии, о смысле жизни. Пустота. И единственный способ времяпрепровождения – непрекращающаяся деятельность. Своим практичным умом он не может понять, насколько Обломов глубже его. Штольц пытается лечить его, заставляя читать газеты, пересказывать их. Андрей Штольц считал, что это развивает ум Обломова, заставляет думать. А в газетах же сплетни, та же суeta. Единственное, что они могут развивать, так это память. Штольц не может понять, что Обломов – богатая, чувственная душа, которая по настоящему умеет любить и мыслить.

Обломов – яркий сторонник философии востока.

Штольц как-то в шутку, не без иронии, говорит Обломову: «Да ты поэт!»,... И чуть позже: «Да ты философ, Илья!». У него действительно была своя философия жизни, глубокая и не похожая на других. Это философия абсолютного покоя, абсолютного бесстрастия. Отсутствие движения, покой – вот, по Обломову, наиболее совершенное, идеальное состояние мира. Движение – болезнь мира. То, чему нужно двигаться, несовершенно. Совершенное незыблемо и недвижно. Это и есть для Обломова настоящая, истинная жизнь. Покой – гармоническое равновесие бытия. Свойство покоя – не расслабленность и аморфность, а, наоборот, избыток силы, полный заряд энергии. Совершенная жизнь ничего уже не хочет, ни к чему не устремляется. Все же остальное – не стоящая на месте, а значит, ненастоящая, нестоящая, томимая болезнью жизнь.

Его понятия об идеале существования вызывает целый ряд ассоциаций: тут и учение древнегреческих философов о духовном самодовлении, полной освобожденности от физических и умственных усилий; тут и принцип безразличия, и учение об апатии – бесстрастии, – популярное в так называемой мегарской школе философов. Поэтому, возможно, Гончаров и называет своего героя «обломовским Платоном».

«Целый», «полный» человек, об отсутствии которого так часто сожалеет Илья Ильич, вырисовывается только на пути к покою – внутреннему и внешнему. В каком-то необычном для него припадке вдохновения Обломов вопрошает Штольца: «Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?»

Обломов мечтает лишь о деревенском поселении, растворенном в окружающей природе. Счастливое будущее мыслится как возвращение к счастливому прошлому. А для этого не нужны никаких грандиозных мероприятий: ни строительства гигантского града, в котором уместилось бы все человечество, ни летательных аппаратов, ни других хитроумных механизмов, ни хрустально-алмазных дворцов, ни железной дороги, связывающей Землю с Луной, о чем мечтал Фурье...

Штольц досадует:

«– Зачем же хлопочут строить везде железные дороги, пароходы, если идеал жизни – сидеть на месте? По-дадим-ко, Илья, проект, чтоб остановились; мы ведь не поедем».

Но Штольцева ирония несколько не расхолаживает Обломова. А что же! Почему бы и не подать такой проект! Тогда, глядишь, и угомонятся народы, и отдохнут по-настоящему. Словом, по Обломову, нужно не строить, а потихонечку размонтировать уже понастроенное, притормаживать механический разгон, осаживать железного зверя...

Еще одна деталь, о которой редко упоминается, – это цветы и растения в романе. Каждый цветок имеет свое значение, свою символику, а поэтому упоминания о них не случайны. Так, например, Волков, предлагавший Обломову ехать в Катерингоф, собирался купить букет камелий. Камелии – редкий цветок для русской традиции, как и сам Волков, весь утончённый, как «батистовый платок» с «ароматами Востока». В сакральном календаре друидов камелия означает приятную внешность, утончённость, артистизм и, как ни странно, детскость. Поэтому, наверное, настроение после прочтения сцены с приездом Волкова остаётся какое-то лёгкое, ненастоящее, немного наигранное, театральное.

Ольге тетка советовала купить ленты цвета анютиных глазок. Во время прогулки с Обломовым Ольга сорвала ветку сирени. Для Ольги и Обломова эта ветка явилась символом начала их отношений и в то же время предвестила конец. Но пока они не думали о конце, были полны надежд. Ольга пела арию Нормы «Casta diva» («Пречистая дева») из оперы Беллини «Норма», чем, наверное, и покорила окончательно Обломова. Он увидел в ней ту самую непорочную богиню. И действительно, слова эти – «непорочная богиня» – в какой-то мере характеризуют Ольгу в глазах Обломова и Штольца. Для них обоих она действительно была непорочной богиней.

Не по нраву Илье Ильичу оказались и резеда, и розы. Роза – царица цветов, любимый цветок Муз и царицы Афродиты символизировала невинность, любовь, здоровье, кокетство и любовную игру.

Гончаров многократно подчеркивает «восточное» вокруг своего героя.

В «Обломове» ничего неделание русского ленивого барина прослоено пресловутой восточной созерцательностью, «азиатчиной». Обломовская «философия покоя», настоянная на сентенциях античных мудрецов, в то же время издает какой-то нирванический аромат. Покой Ильи Ильича – это не только повадка сказочного запечного дурака, не только бесстрашие и апатия античного любовника, не только самодисциплина отшельника, но и нирваническая застылость теплого божка с едва пульсирующей сонной артерией.

Штольц – это новый тип жизни. Диалогический конфликт строится на противопоставлении буржуазного и патриархального образа жизни. По мысли Гончарова, лень и пассивность имеют и совершенно другую сторону. Эта позиция писателя идет от православного средневековья, в котором существовала традиция духовной жизни. Идеалом средневековья не мог быть деятельный герой, так как динамизм не был идеалом средневековья. Человек мерил свои помышления мерой христианской нравственности, стараясь избежать суеты. Косность Обломова противопоставляется рвению Штольца. Косность, по Далю, значит медлить, долго не исполнять. Косность имеет смысл богообразия. Жить в косности – это своеобразный поведенческий принцип, выражением которого был уход в монастырь.

На востоке говорят: «счастье – это отсутствие стремления к счастью». Счастлив не тот, кто стремится что-то иметь или знать, кем-то или с кем-то быть, что-то уметь и делать. Всё это, безусловно, важно. И в тоже время счастлив тот, кто умеет ценить то, что уже есть. Ведь ничто в мире не повторится дважды... И, действительно, Обломов вновь обрел счастье в доме Пшеницыной на Выборгской стороне. У них родился сын, в котором должны скреститься два культурных влияния. Именно Андреем, в честь старинного друга Штольца, называет Обломов своего сына. Представитель нового, нарождающегося поколения, Андрей Ильич Обломов, таким образом, оказывается законным наследником обеих традиций: «восточной» и «западной», что и выражает надежду Гончарова на возможность синтеза в русском характере лучших начал двух этих противопоставленных друг другу персонажей романа.

Заключение.

Противостояние Европы и Азии, исподволь заданное с самого начала, говорит нам о том, что Н.А. Гончаров в романе «Обломов» вступает в спор между славянофилами и западниками, затрагивая проблему будущего страны: ей пред-

стоит решить, какой путь она выберет: сердца или разума. За кем будущее России: за Штольцем или Обломовым? И мне кажется, ответ есть – за Андреем Ильичом Обломовым.

Россия – страна между Западом и Востоком, вобравшая в свою культуру и восточное, и западное. Такое сочетание уникально, поэтому Россия должна развиваться по своему собственному пути, и она станет великой страной.

Поэтическое выражение эта концепция нашла в знаменитом четверостишии Ф. Тютчева:

Умом Россию не понять.
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.

Список литературы

1. Гончаров И.А. Роман «Обломов». Собрание сочинений: В 8 т. – М., 1978.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.
3. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. – 1995. – №6.
4. Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова. – М.: Изд-во МГУ; Просвещение, 1996.
5. Лебедев Ю.А. Русская литература XIX века: Вторая половина: 10 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 6-е изд. – М.: Просвещение, 1999.
6. Герцен. А.И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 2. – М.: Наука, 1954–1960.
7. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев [и др.] – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
8. Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии: Учебное пособие для гуманитарных вузов. – М.: Наука, 1995.